

**Н.И.Лапин,
член-корреспондент РАН,
Институт философии РАН**

Изменение ценностей и новые социокультурные структуры

В кризисно-реформируемом социуме, каковым является современное российское общество, меняется не только структура ценностей, но и их роль в эволюции общества: новая структура обобщенных представлений индивидов и социальных групп о добре и зле, об одобряемых и осуждаемых нормах поведения приобретает (если использовать представления синергетики) функции аттрактанта, своего рода встроенного магнита, или удерживающего общество в хаотической области, или же вытягивающего его из хаоса и влекущего к новому социокультурному состоянию. Появляются новые "мягкие поля" взаимодействий¹ и соответствующие структуры, такие, как социальные идентичности и групповые солидарности², заинтересованные группы³ и др.

Подобные социокультурные инновации нуждаются в теоретико-методологическом анализе и эмпирических измерениях. На решение этой задачи нацелены сопоставимые исследования, проводимые Центром исследований динамики ценностей при Институте философии РАН. Два из них реализованы в 1990 и 1994 гг.⁴, третья

¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996.

² *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3/4; 1996. № 1.

³ *Лапин Н.И.* Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3

⁴ Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М., 1996.

осуществляется в 1998 г.¹ Во взаимодействии с Институтом социологии РАН и Московским государственным социальным университетом сделаны первые шаги к интеграции фундаментальных исследований и образовательного процесса по проблеме "Ценности, интересы, групповые солидарности и социальное управление"².

Социокультурный кризис: "восьмерка блужданий" и цивилизационный смысл выбора

Россия унаследовала существенные черты кризиса Советского Союза. Это общесистемный, конкретнее говоря, *социокультурный кризис*, охватывающий всю совокупность отношений между людьми (социальность) в процессе их жизнедеятельности и сами способы и результаты их деятельности (культуру). На уровне индивидов он выступает как *кризис идентичностей* — этнической, социальной, политической.

Поскольку в бывшем советском обществе отсутствовали механизмы саморазрешения системного кризиса, последний приобрел *патологический* характер, а само российское общество — качество *кризисного социума*, эволюция которого долгое время тяготела к хаотической области, была подчинена логике ее самовоспроизводства. Кризисно-реформируемое российское общество эволюционирует между областями социальной реформации и областью социальной реставрации. Схематически траекторию этой эволюции можно представить как два сопряженных круга (область реформации и область реставрации), или как "восьмерку блужданий" посткоммунистической России. "Восьмерка" построена на двух осях ("демократия—тоталитаризм", "законность—вседозволенность"), на пересечении которых находится хаотическая область.

Анализ исторического опыта показывает, что в 1990—1995 гг. российское общество совершило два витка по "восьмерке блужданий". В своей эволюции оно дважды прошло через хаотическую область и в целом тяготело к ней. Изменения характеризовались неустойчивостью и обострениями в точках бифуркации. В последнее время наше общество совершает третий виток, удаляясь от хаотической области. Возникла возможность стабилизировать движение на реформационной орбите.

Нет предзаданности путей эволюции общества. Напротив, поскольку хаотическая область включает множество точек бифурка-

¹ Исследования 1994 и 1998 гг. осуществлены при финансовой поддержке РГНФ (проект № 96-03-04335).

² Данный проект реализуется при финансовой поддержке федеральной целевой программы "Интеграция" (проект № 697-2 1).

ции, существует множество возможностей выбора того или иного пути. В чем суть, обобщенный смысл этого выбора?

По нашим представлениям, *цивилизационный смысл* глубинного выбора, перед которым ныне находится Россия, заключается в следующем: обретает ли каждый ее гражданин возможность обустроить свою жизнь так, как сам считает нужным (не препятствуя осуществлению другими аналогичной возможности) *или* он по-прежнему позволяет безличным институтам решать за него важные для его жизни вопросы. На социальном уровне этот выбор означает: использует *или* упускает Россия возможность социокультурной реформации, когда индивид становится равноправным субъектом во взаимоотношениях с властями, — как исторический шанс своего развития в конце XX столетия.

Что определяет этот *выбор*, делаемый рядовыми гражданами и теми, кто находится у власти? Существуют два варианта ответов на этот вопрос. Один — традиционный для нашего менталитета: определяющими являются внешние по отношению к индивидам политические и социально-экономические факторы. Другой — в русле веберовской традиции: глубинными регуляторами человеческих действий являются ценности самих индивидов и социальных групп как субъектов общественных процессов. Не отрицая справедливости первого варианта ответа для стабильно функционирующего общества, мы полагаем, что в условиях патологического социокультурного кризиса возрастает вероятность того, что именно ценности принимают на себя функции аттрактанторов, удерживающих общество вблизи хаотической области или же вытягивающих его из этой опасной зоны и влекущих на иную орбиту — к новому социокультурному состоянию. Это верно в отношении как социально-политических, так и экономических процессов (например, известно влияние доверия/недоверия, формирующегося на основе тех или иных ценностей, на инфляционные ожидания населения).

Устойчивое и изменяющееся в структуре базовых ценностей

Наши исследования зафиксировали как устойчивость, так и определенные изменения в структуре ценностей россиян.

Прежде всего, сохраняется и даже повышает свое влияние ее интегрирующее *ядро*. Его образуют две терминальные, или самодостаточные, целевые ценности (общение, семья) и одна инструментальная, т.е. служащая средством для достижения других целей (законность как социальный порядок) — их одобряют 69—75% населения. Такую же устойчивость демонстрирует и традиционалистский *"хвост"*, который образуют ценности: целевая (благополучие) и инструментальные (вольность как неограниченная свобода).

да, а также авторитетность или способность влиять на других, иметь власть) — их одобряют не более 25%.

Вместе с тем происходят заметные изменения в структуре ценностей. Уже в 1990 г. мы обнаружили, что прежняя идеологизированно-монолитная структура начала трансформироваться в плюральную, дифференцированную на несколько макропозиций. Эта дифференциация продолжается, сформировался конфликт в ценностном сознании населения, который все четче мотивирует поведение различных категорий россиян.

Оформились три *конфликтующие ценностные макропозиции*: потребительский конформизм, предприимчивый нонконформизм, властолюбивый эгоизм. В 1990 г. их окутывала атмосфера повседневного гуманизма, однако ныне она распадается на разнообразные образования: одни из них тяготеют к конформизму, другие трансформируются в различные формы индивидуализма. Одной из самых острых оказалась альтернатива между нравственностью и политической властью: по мнению подавляющего большинства россиян (80% против 16%), власть несовместима со Спокойной совестью и душевной гармонией. Это результат не только многовековой традиции в отношениях между политической властью и населением в России, но и нецивилизованного властолюбия нынешних политических элит. Отнюдь не случайно, что за последние годы резко упало доверие населения к новым политическим институтам, все более обнаруживавшим себя как квазидемократические. *Нецивилизованное властолюбие* является тем аттрактантором-стрелочником, который чаще других переводит эволюцию российского социума с орбиты реформации на орбиту реставрации. И если все же происходит возврат к реформации, то это свидетельствует о действенности других типов ценностей.

Четко прослеживаются изменения в средних слоях структуры ценностей — в резерве ядра и в его *оппозиции*, выступающей как инструментальный дифференциал ценностного сознания. С одной стороны, увеличивается распространенность ценностей современного общества, таких как свобода (с 46 до 56%), независимость (с 40 до 50%), инициативность (с 36 до 44%). На два—пять баллов повысился их ранг в 14-балльной иерархии ценностей. С другой стороны, уменьшается распространенность таких ценностей традиционного общества, как самопожертвование, следование традициям, вольность (свобода от ограничений).

Характерной чертой динамики ценностей становится их рационализация, снижение влияния мифологизированных целей и средств, далеких от собственных потребностей индивидов и реальных социальных групп как конкретных субъектов поведения, поступков. Так, в отличие от 1990 г., когда большинство россиян

связывало решение своих жизненных проблем прежде всего с деятельностью властей, ныне уже около 55% респондентов надеются прежде всего на самих себя.

В целом можно заключить: ныне российское общество находится отнюдь не в начале, а примерно в середине движения к современной системе ценностей или уже во второй половине этого пути.

Новые социокультурные структуры

Эволюция кризисно-реформируемого общества включает три типа процессов: разрушение одних прежних структур, сохранение других и возникновение третьих, новых. Это не симметричные процессы: если разрушаются преимущественно макроструктуры, то сохраняются чаще микроструктуры и возникают также прежде всего микро- и мезоструктуры. Внимание российских властей и СМИ заморожено макрособытиями, в то время как на мезо- и особенно микроуровне возникают слабозаметные, но весьма значимые в перспективе явления.

В этом аспекте можно выделить такие группы основных компонентов, или узлов (фаз), эволюции кризисно-реформируемого общества как предмета анализа:

1) побудители активности индивидов как непосредственных субъектов: потребности, ценности, интересы и мотивы, личностные установки относительно процессов трансформации;

2) мягкие поля социальных взаимодействий, слабо оформленные социальные общности: социальные идентичности, заинтересованные группы, групповые солидарности;

3) макросоциальные структуры: структурная трансформация экономики, политико-экономические страты, социокультурные типы отношений к процессам трансформации;

4) социокультурные регионы как крупные территориальные общности, выделяемые по совокупности некоторых критериев;

5) полуформальные и четко формализованные, или мягкие и жесткие структуры, регулирующие действия социальных субъектов: нормативная культура населения, государство, общественные организации, другие социальные институты;

6) социоинформационные процессы: функционирование средств массовой информации, информатизация общества (компьютерные сети и т.п.) и др.

Каждый компонент описывается своими понятиями; границы между ними относительны, наблюдаются взаимодействия между компонентами и составляющими их элементами. Кратко охарактеризуем лишь один из них — заинтересованную группу.

В современной России наблюдается быстрая динамика интересов различных категорий населения, порождающая новую социальную дифференциацию нашего общества. Одной из массовых ее форм становится *заинтересованная группа*, или группа интересов, выступающая как социокультурная ячейка возрождающегося гражданского общества. Это такой социальный субъект, который артикулирует свои интересы в общественной среде и стремится их институционализировать, т.е. выражает свой интерес как настоятельное требование, побуждающее институты гражданского общества и/или органы государственной власти предпринимать практические действия, способствующие осуществлению этих требований, а в конечном счете — их институционализации.

Пользуясь терминологией П.Штомпки, можно сказать, что заинтересованная группа не столько стабильная структура, сколько *динамичное поле* взаимодействий индивидов, пульсирующее на почве их общих интересов. При этом интерес выступает преимущественно как "измерение поля по шкале возможностей", а заинтересованная группа может быть представлена как "сеть интересов", выражающих жизненные шансы индивидов, возможность расширить их доступ к ресурсам, выйти за ставшие тесными пределы нынешних статусов.

В субъектном плане заинтересованная группа предстает как некая критическая масса личностей, преимущественно одного из двух основных типов: а) традиционалистского — послушного, подданнического, конформистского; б) инновационного — новаторского, бунтарского, неконформистского.

Имеются различные типологии групп интересов (ГИ). Например, Ж.Блондель выделяет группы по обычаю, институциональные группы, группы защиты, группы поддержки. Наши исследования побуждают выделить две альтернативные пары социокультурных типов ГИ, характерных для России:

первая пара: 1) группы рациональной институционализации складывающегося социального порядка, включая эволюционное его изменение в направлении демократизации; 2) властолюбиво-конфликтные группы, иницирующие и обостряющие социально-политические конфликты для ослабления формирующегося социального порядка и замены его радикально иным порядком;

вторая пара: 3) группы рационализации отношений социального обмена, прежде всего экономических и политических отношений; 4) группы идеологизации социальных отношений, придерживающиеся как гуманистических, так и антигуманистических взглядов.

При интерпретации этих и иных социокультурных типов ГИ следует помнить, что речь идет об идеальных типах, которые находятся в сложных опосредованиях с эмпирической реальностью. В реальности наблюдаются, так сказать, *группы повседневных*

интересов, представляющие собой, выражаясь философским языком, непосредственное бытие социокультурных типов групп интересов, во всем их жизненном разнообразии. Это и есть непосредственный объект наблюдений и измерений.

Как показывают пилотажные исследования, многие группы повседневных интересов возникают на почве различного рода противоречий, перерастающих в острые конфликты. В частном секторе экономики это прежде всего конфликты между собственниками или высшими менеджерами фирм, компаний, распространяющиеся и на остальной персонал, а также между фирмами и условиями их функционирования в нестабильной экономико-политической и правовой среде. Вместе с тем по мере стабилизации российского общества появляется все больше групп, интересы которых сосредоточены на реализации конструктивных задач: не *против* тех или иных неурядиц, а *за* воплощение в жизнь позитивных проектов, программ, жизненных целей. Таковы объединения (союзы, ассоциации), группы людей, желающих получить новые, "рыночные" профессии, локальные сообщества по озеленению дворов и т.д.

Помимо структурных характеристик, необходимо исследовать динамику ГИ. Можно предположить существование четырех основных фаз, образующих *жизненный цикл группы* интересов (период ее формирования и функционирования). Каждая *фаза* характеризуется специфическим взаимоотношением (влиянием, вектором детерминации) основных элементов группы: ценностей, интересов, организационной структуры. Эта специфика может быть представлена как совокупность *допущений* и *гипотез*, формулируемых в виде *норм*.

На *первой фазе* жизненного цикла группы (фаза *протогруппы*) сначала изменяется структура ценностей индивидов — потенциальных членов группы, что служит предпосылкой осознания индивидами своих актуальных интересов и последующего формирования группы, агрегирующей эти интересы.

Гипотезы о протогруппе:

1.1. Чем интенсивнее меняется структура ценностей населения, тем вероятнее возникновение новых протогрупп интересов;

1.2. Чем стабильнее структура ценностей, тем вероятнее консолидация традиционных групп интересов.

На *второй фазе* жизненного цикла группы (фаза *формализуемой группы*) происходит формализация отношений в группе между ее членами, что стимулирует потребность в артикулировании ее интересов и стабилизирует новую структуру ценностей.

Гипотезы о формализуемой группе:

2.1. Чем четче формализованы отношения в группе, тем стабильнее структура ценностей ее членов и тем энергичнее группа артикулирует свои интересы;

2.2. Чем стабильнее структура ценностей, тем четче формализованы отношения в группе и тем энергичнее группа артикулирует свои интересы.

На *третьей фазе* жизненного цикла группы (фаза *активной группы*) ее интересы реализуются или же "зависают". (Эти "или" могут выступать и как последовательные подфазы динамики: сначала первая из них, затем вторая.) Соответственно: *или* воспроизводятся, становятся все более сплоченными отношения между ее членами и структура их ценностей, *или* вновь изменяется структура их ценностей, отношения в группе приобретают конфликтный характер.

Гипотезы о сформировавшейся группе:

3.1. Чем полнее реализуются интересы группы, тем сплоченнее ее структура;

3.2. Чем менее реализуются интересы группы, тем вероятнее дестабилизация ее структуры, прежде всего структуры ценностей.

На *четвертой фазе* группа формирует новые требования к внешней среде, начинается новый жизненный цикл группы, как бы возвращается ситуация протогруппы (см. гипотезы о протогруппе) или же она прекращает свое существование.

Общая проблема и гипотезы относительно новых социокультурных структур

Еще раз отметим, что многое из сказанного о заинтересованных группах и других "мягких" социокультурных структурах имеет гипотетический характер. Пока речь идет не о результатах, а о задачах эмпирических исследований. Исходная задача: выявить наличие/распространенность таких социокультурных структур, которые становятся или могут стать перспективными элементами трансформации российского общества, механизмами его саморазвития, индикаторами той или иной стадии этой эволюции.

Общая проблема предварительно может быть сформулирована так: *в современном российском обществе возникают новые социокультурные феномены (заинтересованные группы, групповые солидарности, социальные страты и др.) и существенно изменяются прежние (структура ценностей, содержание социального управления и др.); на данном этапе их структуры и функции в различных областях жизни граждан нестабильны, во многом зависят от локальных ситуаций.*

Исходные гипотезы:

нестабильность функций новых социокультурных элементов связана с первоначальной разрозненностью и неравномерностью развития структур различных элементов в различных областях социальной сферы;

их стабилизация и консолидация в целостную совокупность способствует переходу российского общества от кризисного состояния к цивилизованному саморазвитию общества; напротив, воспроизводство их неустойчивости и разрозненности свидетельствует о сохранении хронического (патологического) характера кризиса;

если стабилизация новых социокультурных элементов происходит сначала в контексте жестких структур и макроструктур, то именно эти "жесткие" и "макро" элементы становятся ядром всей совокупности механизмов саморазвития общества;

если сначала стабилизируются элементы мягких структур или элементы мягких и жестких структур стабилизируются одновременно, то образуются два ядра консолидируемой совокупности, а сама эта совокупность возникает как более динамичная, обладающая высоким потенциалом саморазвития.